УДК 316.45

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОТОЛЕРАНТНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Окладникова Елена Алексеевна,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
профессор кафедры социологии и религиоведения,
доктор исторических наук,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи – анализ представлений жителей Санкт-Петербурга о культурных и коммуникативных барьерах, возникавших в процессе их общения с сообществами трудовых мигрантов и препятствовавших формированию этнотолерантной ментальности. В статье представлен анализ результатов пилотажного социологического исследования мнения жителей Санкт-Петербурга (2010–2015 гг.), предметом которого был процесс этнизации городского пространства в результате усиления давления трудовой миграции. Подтверждены факты, указывающие на то, что глобализация и связанный с нею технический прогресс, и зменения информационного пространства, усиление мобильности населения становятся силами, стимулирующими атмосферу межэтнических конфликтов разного уровня. Основное конфликтогенное пространство, где проявляются различия языков общения, габитусов, представлений о гендерных порядках и т. п., – место встречи горожан и сообществ трудовых мигрантов, т.е. социальная сфера городской среды. В сознании респондентов происходило осмысление феномена трудовой миграции как амбивалентной социальной проблемы, с одной стороны, опасной возможностью возникновения острых социальных конфликтов, а с другой – латентно сдерживаемой процессами формирования этнотолерантной ментальности.

Ключевые понятия:
трудовая миграция, нарративное интервью, межэтнический конфликт, глобализация.

Этническая толерантность – это тип мышления, реализуемый как менталитет и образ жизни, свойственный как людям, живущим в культуре европейского модерна, так и людям традиционного общества. Этническая толерантность – это система идей, создающая социальности как самостоятельные культурные миры. Понятие «этническая толерантность» толковалось в работах этнологов как «уважительное» отношение к культурам других народов [1, с. 21], «невмешательство» в дела других народов, как «готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [2].

Эмпирическая часть исследования была осуществлена методом нарративного (глубинного) интервью [8]. В нём приняли участие горожане (N=68) обоих полов, возрастом от 16 до 60 лет. Обработка результатов была сделана на основе типологической методики [9].

Наше исследование (2010–2015 гг.) показало, что сегодня, в условиях новой мобильности, интенсификации миграционных процессов нам необходим новый взгляд на социальную географию регионов, которые оказались вовлеченными в процессы глобализации. Этот взгляд позволяет по-новому оценить роль людей, включая сообщества трудовых мигрантов, непосредственно участвующих в этом процессе. Мы также выяснили, что усиление социальной мобильности, быстрые изменения информационного пространства, глобализация и связанный с ней технический прогресс в Санкт-Петербурге 2010–2015 гг. были латентными конфликтогенными силами.

Трудовой мигрант, в отличие от кочевника, путешественника, туриста, – это человек, который бежит, покидая местность, исчерпавшую для него свой ресурс [4, с. 185]. В условиях увеличения трудовой миграции (2010–2015 гг.) облик социальной и культурной городской среды Санкт-Петербурга, а также параметры городской идентичности претерпели изменения. Об этом, согласно наблюдениям наших респондентов, свидетельствовали: 1) изменения состава работников сферы услуг (торговый персонал на рынках и в супермаркетах представлен, главным образом, трудовыми мигрантами из Средней Азии и Кавказа); 2) увеличение числа правонарушений, совершенных, в основном, нелегальными трудовыми мигрантами; 3) рост негативных стереотипов в отношении трудовых мигрантов в общественном сознании.

Для России этнокультурные и социально-нормативные проблемы трудовой миграции тесно переплетаются с вопросами замещающей трудовой миграции. Как отмечалось в «Концепции государственной миграционной

политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [3], за последние 25 лет миграционный прирост компенсировал более половины естественной убыли населения. Демографы (Л.Л. Рыбаковский, А.Г. Вишневский, Ж.А. Зайончковская) справедливо полагали, что привлечение иностранных работников является положительным фактором, способствующим развитию экономики. Что касается Санкт-Петербурга, то проблема замещающей миграции в каждый исторический период жизни города решалась за счёт притока новых волн населения. Для Петербурга начала XX в. была характерна космополитичность, ориентированность на Европу в широком спектре культурных предпочтений, этнокультурная гетерогенность и культурная открытость. Постепенно со сменой статуса, с потерей коренного населения в революциях и войнах город всё активнее принимал и адаптировал приезжих, часть которых, позднее, в 1950-е годы получала статус «лимитчиков». Лимитчики – это приезжие люди из провинции, в основном из деревни (из Псковской, Новгородской областей, а также из деревень Поволжья и др. регионов России). Именно они стали ресурсом замещающей трудовой миграции в 1950–70-е гг. Люди из деревни начинали осваивать город, приспосабливать его к своим правилам жизни. Со сменою, сначала имперского статуса, а затем и статуса культурной столицы, произошло то, что можно охарактеризовать как поглощение города сопредельными (деревенскими) культурными пространствами. В 1950–1970 гг. государство регулировало процессы урбанизации с помощью таких механизмов, как контроль прописки, система городской застройки, рынок рабочей силы. В конце XX в. Петербург был уже не городом с тремя основными зонами: 1) историческим центром (граница – р. Фонтанка), 2) капиталистической застройкой (граница – Обводный канал); 3) постиндустриальной (граница – пригороды), но городом, превратившим бывшие пригороды в «спальные районы». Старый Петербург стал мифом. Перевоплощение города, изменение его символического, социального, экономического облика – это процесс конфликтный. Даже в ситуации поглощения жителей города выходцами из окружающей провинции это был конфликт между сообществами выходцев из деревень – «понаехавших тут» и петербуржцев – в глазах приезжих «наглых, шустрых и шибко грамотных» горожан.

В конце 1990-х – начале 2000 гг. в Санкт-Петербурге появилась новая волна мигрантов: выходцев их бывших республик Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Довольно быстро основными городскими пространствами, где начали локализоваться сообщества трудовых мигрантов, стали стройки, ЖКХ и торговые (рыночные) пространства. Демографы давно пришли к выводу, что если размеры миграционных потоков слишком велики (т.е. пришлое население превышает 15%), город может «захлебнуться» под натиском волны носителей примордиальной этничности. Если пришлое население превышает 15%, особенно остро встаёт вопрос формирования этнотолерантной ментальности в среде населения этих городов. Под давлением «новых примордиальных этничностей» город, даже такой, как исконно ориентированный на Европу Санкт-Петербург, может сменить свой европейский облик. Этнизация больших городов мира, как известно, начинается с моментов символического характера. Сначала изменяется язык вывесок на городских улицах, потом возникают храмы новых конфессий, появятся этнические кухня, национальные закусочные, рестораны, магазины и т.п. Следующий этап носит более социально выраженный характер – начинается формирование жилых кварталов, которые заселяют мигранты. Крупные города с имперским статусом, как правило, становятся оплотами нациостроительства. Если есть соответствующий политический заказ, города такого типа начинают вбирать в себя население провинции, выстраивая на их основе нацию, меняя их идентичность, как это случилось с Петербургом до момента переноса российской столицы в Москву. Тем не менее, как показала практика, наиболее подверженными опасности этнизации, с одной стороны, стали приграничные города (например, города китайско-русского приграничья), с другой – города бывшего советского пространства, утратившие свой имперский статус (Рига, Таллинн, Баку, Ташкент). В XX в. под влиянием процессов арабского нациостроительства изменила свой греческий облик и древняя Александрия, которая на протяжении веков была торговым форпостом Евразии.

Постепенно сообщества трудовых мигрантов становятся не только предметами инструментами политического и финансового манипулирования, но и предметом общественно-политических дискуссий. Изменение городской идентичности жителей Санкт-Петербурга под влиянием процессов трудовой миграции до 2014 года СМИ подавали как социальную проблему. До февраля 2014 г. многие тексты СМИ, поднимавшие вопрос о трудовой миграции, носили алармистский характер, были избыточно эмоциональны и отражали тенденцию общественного сознания разделять жителей города на «коренных» и «понаехавших». До событий начала 2014 г., т. е. до начала военных действий на Украи-

ине, трудовые мигранты были устойчивым информационным поводом для СМИ и городских властей. Еще в начале зимы 2014 г. СМИ выступают как со здатели информации о настроениях общества. Журналисты формировали дискурсивное поле, отражавшее эти настроения. Летом 2014 г. актуальная тематика СМИ практически полностью была переориентирована на украинскую тематику и связанные с ней вопросы внешней политики России.

Как показал анализ высказываний наших респондентов, несмотря на переориентацию алармистской риторики СМИ, в сознании жителей мегалополисов продолжали копиться страхи, негативные переживания, реально или фантазийно связываемые с трудовыми мигрантами. Это естественный психологический процесс, ибо он развивается в условиях, когда глобальные города концентрируют не только технологии, информацию, финансовый капитал, но и капитал социального разнообразия. Последний включал растущую долю «обделенного» населения (трудовых мигрантов, дискриминируемых женщин, стариков, «новых бедных»). Мегагорода, какими в России являются Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, становятся пространством множества социальных противоречий и конфликтов. В таких городах по-новому формулируются во просы о справедливости, власти и н еравенстве, увеличивается разрыв не только между бедными и богатыми слоями населения, но и элитными, «спальными» и рыночными (т. е. местами скопления легальных и нелегальных трудовых мигрантов) городскими территориями. Как полагали наши респонденты, в сфере формирования нового социального капитала начи нают формиро ваться другие правовые о тношения, мат ериализуясь в конкретные, не всегда ли цеприятные формы. Так, с одной стороны, в лексиконе жителей города-реципиента трудо вых мигрантов (Санкт-Петербурга) получают распространение такие клишированные выражения: «работать, как таджик» , «работать таджиком», «таджикская зарплата», «таджикский т руд». Понятие «таджик» постепенно размывает свой этнический смысл и приобретает социально-экономическую коннотацию. То же происходит и с другими понятиями: «кавказцы», «среднеазиаты». В контексте социально-экономической коннотации для населения принимающей трудовых мигрантов стороны «ген рыночного предпринимательства», им свойственный, исключает их из числа людей, «способных к труду». С другой стороны, в случае принятия решения укорениться в среде страны-реципиента бывшие трудовые мигранты ослабляют свои связи с конфессией, стараясь расшир ить свой социальный капитал за счет новых контактов в обществе принимающей стороны. Они начинают устанавливать адекватные взаимоотношения с п редставителями с амых р азнообразных сегментов общества-реципиента трудовой миграции. Эта лаборатория жизни важна для детей трудовых мигрантов, т. к. именно таким путём они осваивают чуждые для них языковые и общественные нормы общества-реципиента.

Например, по данным нашего специального исследования стереотипных представлений жителей Санкт-Петербурга о трудовых мигрантах (выходцах с Кавказа, Средней Азии, Молдовы и Украины), проведенного нами в 2011–2012 гг., т.е. после событий в Кондопоге, Сагре, на Манежной площади в Москве, угроза возможн ого межнационального конфликта в то время витала в воздухе. Так, мужчины в возрасте 35–60 лет оказались готовы взять оружие в руки в случае возникновения угрозы вооруженного конфликта с трудовыми мигрантами. К ни м готовы были присоединиться женщины в возрасте 19–25 лет [6]. Такая идейная и психологическая позиция – серьёзное препятствие в деле формирования этнокультурной ментальности.

В исследовании 2014–2015 гг. с целью оценить, насколько сильно влияние только одного конфликтогенного фактора *(этнокультурных различий* на процесс формирования этнокультурной толерантной ментальности у жителей Санкт-Петербурга), мы задали нашим респондентам следующие вопросы:

1. «Что вас больше всего смущает при общении с трудовыми мигрантами как представителями другой этниче ской группы?»

2. «Были в вашей жизни ситуации, в которых представи тели друго й культуры (например, из числа трудовых мигран тов) чем-то вас задевали, поступки был и бы вам непонятны?»

Мы полагали, что анализ ответов респондентов на эти вопросы даст нам возможность конкретизировать те особенности культурных различий, которые могли оказать влияние на формирование этнотолерантной ментальности как у горожан, так и у представителей сообществ трудовых мигрантов. В результате мы получили следующую картину.

Первая группа респондентов (12%) либо старались расширить рамки понятия «этническая группа», «этническая культура», «межэтнический конфликт», либо утверждали, что не видят различи я между ме жэтническим конфликтом и любым другим видом конфликта. Например, они полагали, что кавказские войны обогатили чеченцев. Образ жизни тех чеченцев, которые приезжают в российские мегалополисы, часто становит-

ся предметом зависти жителей Санкт-Петербурга, «...*а тут и до резни недалеко»,* – говорили нам ре спонденты.

Вторая группа респондентов (32%) намеренно уходила от ответов на вопросы. Они либо отмалчивались, либо делали вид, что не понимают вопрос.

Третья группа респондентов (56%) в ответах акцентировали внимание на культурных различиях между сообществами трудовых мигрантов и горожанами. Несмотря на критические замечания в адрес выходцев из бывших республик Кавказа и Средней Азии, наши респонденты показали, что они весьма ответственно и критично относятся к себе, к своей городской культуре, а также к правилам современного городского этикета. Они прекрасно осознавали сам факт наличия культурных барьеров. Но при этом они, особенно женщины-горожанки, старались понять, что скрывается за внешней «угрозой» таких барьеров. Их интересовали причины и истоки правил поведения «Другого» – трудового мигр анта. Среди барьеров, которые препятствуют формированию толерантной ментальности респонденты этой группы выделяли *коммуникативные, этические и кровно-родственные барьеры*.

1. *Коммуникативные барьеры*. Наибольшую социально-коммуникативную проблему в общении с представителями трудовой миграции респонденты этой группы видели в том, что мигранты плохо говор ят по-русски, в общественных местах разговаривают на своём, непонятном жителям мегалополиса языке. Респондентов беспокоило не только незнание трудовыми мигрантами русского языка, но и язык их мышления, определяющий склад ума, поведенческие паттерны, отсутствие у них стремлени я к самообразованию, интереса и уважительного отношение к культуре населения принимающей стороны.

2. *Этические барьеры.* Рассуждая об обычаях, образе жизни и культурных предпочтениях трудовых мигрантов, выходцев из бывших республик Кавказа и Средней Азии, наши респонденты отмечали, что у мигрантов очень развито *чувство собственного достоинства.* Респонденты полагали, что детям на Кавказе, особенно мальчикам, с малых лет внушаются нормы поведения, предписывающие чтить заветы традиционных кодексов чести, таких, как чеченски й кодекс чести «Эздел», вайнахский «Нохчалла», адыгский «Адыгэ хабзэ», абхазский «Аламыс» и «Апсуара». Поэтому их, как людей, которые исповедуют эти правила, можно и до лжно уважать. Тем не менее, полагали респонденты, не стоит упускать из виду то обстоятельство, что такие кодексы, в частности «Эздел», устанавливаю т нормы поведения для мужчин-воинов (энергичных, вспыльчивых, агрессивных), что не способствует процессу форми рования этнокультурной толерантности.

Жители российских городов, даже в поверхностном общении с трудовыми мигрантами из Средней Азии и Кавказа, понимали, насколько глубоко в их мен талитете укоренились представ ления о *взаимопомощи,* а также *уважение к старшим.* Респонденты полагают, что моральными ориентирами в традиционной по своему духу культуре народов Кавказа и Средн ей Азии являются старейшины. Т ем н е м енее, р еспонденты указывали на некоторые противоречия, возникавшие в обще нии с мигрантами в быту. Иными словами, когда выходцы из бывших республик Кавказа и Средней Азии попадали в гор одские условия, они быстр о и разительно меняли своё поведение. Это легко заметить на приме ре изменения повед ения молодых людей в обще ственном транспорте, г оворили н ам р еспонденты. Т ак, с овсем недавно многие молодые мигранты уступали места пожил ым людям в вагонах метро. Н о, н аблюдая з а х амским п оведением молодых людей из числа коренных жителей м егалополиса, молодые мигр анты быстро переставал и это делать. Наблюдая это, некото рые респонденты задумываются над тем, наскольк о велико охлаждение человеческих отношений в современн ых российских мегалопо лисах, насколько быстро городское население эмоционально выгорает, отчуждается друг от друга в городской суете, привыкает не тол ько к быто вому, но и бюрократическому хамству. Оказавшись вне сферы наблюдения членов своей общины, трудовые ми гранты начинали вести себя неподобающим образом: приставать к девушкам, лихачить на дорогах, резать баранов на улицах и т. п.

3. *Барьер этнической солидарности, основанный на узах кровного родства.* Наши респонденты заметили, что под давлением миграции из бывших республик Кавказа и Средней Азии первыми стали меняться рыночные пространства Санкт-Петербурга: места, которые тради ционно занимали пригородные совхозы и колхозы, оккупировали торговцы из Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Армении. В спальных районах города стали возникать стихийные рынки, где впервые и состоялась массовая встр еча местного населения с «Другими». Вчерашние «Свои» (выходцы из бывших советских республик) на новых рынках рассматр ивались горожанами под негативным углом зрения. Для петербуржцев было ясно, что при формировании сети поставщиков на рынках этничность используется как дополнительный

ресурс, социальный капитал группы, который позволяет минимизировать издержки и максимизировать прибыль.

В период 2010–2013 гг. и далее стал меняется облик не только рыночных пространств Санкт-Петербурга, н о и с тремительно в озникавших других типов сообществ «Чужих»: работников сферы ЖКХ, строителей, возводивших новые торговые точки, целые спальные районы на окраинах города, водителей маршруток. Сегодня это уже не молчаливые уборщики территорий или скр ытые от глаз горожан «работники новостроек», которые готовы ютиться по подвалам и вагончикам. Это люди, которые активно формировали крупные социальные сети на основе торговли, превращаясь во все более заметные субъекты деловой активности, захватывая рынки, т рансформируя и х в ф орпосты э тнической экономики («азербайджанские», «узбекские», «армянски е»). Везде, где возникают такие этнические образования, они строятся на основе сетей как кровного, так и социального родства, дружественных связей, д еловых к онтактов, с крепленных родственными отношениями и узами землячества, а также религиозными ценностями (ислам). Социальная сеть – это стабильная модель непосредственного взаимодействия между людьми. «Узлами» существования таких сетей сообществ трудовых мигрантов в крупных российских мегалополисах часто становятся рынки, учреждения ЖКХ, стройки как хозяйственные и социальные площадки обмена товарами, услугами, новостями [7, с. 23]. По типу они разделяются на: 1) клановo-семейные (*кровно-родственные*); 2) деловые; 3) криминальные; 4) земляческие. Сети сообществ трудовых мигрантов отличаются следующими характеристиками: 1) простотой налаживания контактов внутри сети, основанной на кровно-родственных контактах; 2) ор иентацией участ ников сети, часто кровных родственников, на рациональный тренд общения (выгода); 3) доверием к «Своим» по крови и духу [10; 11, p. 29–36; 12, p. 49–57]; 4) подде ржкой существования извне, где активно применяется обширный набор методов нивелирования давления общества принимающей стороны; 5) обширным пространственным охватом.. Сети сообществ трудовых мигрантов функционируют по принципу «патрон–клиент», с ними часто связаны «крыши» и криминальные группировки, сформированные из пр едставителей общества-реципиента трудовой миграции.

Таким образом, оглядывая мысленным взором события, связанные с наплывом трудовых мигрантов (сначала люд ей из российской провинции, а затем из бывших советских республик, вынужденных искать спасение от трудных жизненных обстоятельств в крупн ых городах) в период с 1950-х – начала 2000-х гг., а затем и 2010–2015 гг., и анал изируя отражение этих событий в умах наших респондентов, можно сделать следующ ие выводы.

1. Наши респонденты выдели три крупных конфликтогенных коммуникативных барьера, препятствующие формированию этнотолерантной ментальности в городской среде на бытовом и психологи ческом уровнях: 1) *языковой,* 2) *культурный* (и его этический аспект) и 3) *этническую солидарность.*

2. М олодые л юди и з ч исла т рудовых мигрантов, п опав в к рупный е вропейский город (Санкт-Петербург), испытав воздействие соблазнов европейской цивилизации, довольно быстро перенимают совр еменные городские обычаи, используя новый о пыт с пользой только для себя. Это далеко не всегда способствует формированию толерантной ментальности.

3. Наши респонденты показали, что они интуитивно о пасаются этниза ции внутригородского пространства, сначала проявляющего сначала в сфере экономического, а затем культурного и политического дискурсов. В ходе нарративных интервью (2010–2015) мы почувствовали, что в сознании респондентов реально п роисходило осмысление трудовой миграции как социальной проблемы. Тем не мене е, большинство респондентов трудоспособного возраста указало, что одной из самых *нежелательных* форм разрешения этой проблемы для них был межнациональный конфликт.

4. Лейтмотивом высказываний наших респондентов была мысль о том, что базовым условием становления этнотолерантной ментальности для жителей Санкт-Петербурга в усло виях глобализации должно стать, с одной сто роны: правило соблюдения как горожанами, так и трудовыми мигрантами, европей ских социальных норм общежития, а с другой – примат уважительного отношения приезжих к но рмам и ценностям общества-реципиента во всём, от проявления религиозных чувств до ум ения соотносить свои ресурсные возможности с количеством детей в семье.

1. Алексеенко А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане / Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: «Оттиск», 2012. 460 с.

2. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html (дата обращения: 17. 05. 2016).

3. Балашова Т.Н. Конституционно-правовые проблемы формирования миграционной политики. Монография. М.: «Юридический центр Пресс», 2011. 240 с.
4. Делез Ж., Гватари Ф. Трактат о номадологии. Машина войны // Н овый круг. 1992. № 2. 93 с.
5. Дробижева Л. И. Об условиях формирования толерантных установок: Межкультурный диалог: исследования и практика. Исследования и практика. Монографи я. М.: Наука, 2004. 509 с.
6. Окладникова Е.А., Верминенко Ю.В. Острые социологические проблемы в зеркале обще ственного мнения жителей Санкт-Петербурга. Монография. СПб.: «СПбГИЭУ». 2013. 340 с.
7. Переселенческое общество азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Монография / науч. Ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск». 2013. 624 с.
8. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
9. Татарова Г.Г. Типологически й анализ в социологии. М.: Наука, 1993. 236 с.
10. Чумаков А.Н. Теория социального капитала. Монография. М.: «Изд-во Проспект», 2005. 340 с.
11. L ight I . Im migrant a nd E thnic E nterprise i n North America // Ethnic and Racial Studies. 19 84. April. Vol. 7. № 2. 124 p.
12. Waldinger R. Immigrant enterprise. A cri tique and reformulation // Theory and Society. 1986. № 15.

References

1. Alekseenko A. (2012) Migrasii i borba za gorogskoe prostrsnstvo v neza visimom Kazachstan e. Irkutsk, « Ottisk», 460 p. [in Rus].
2. Artog F. Gotiadok vremen i,rejimi istorichnosti, available at: http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html (accessed 10.02.2017) [in Rus].
3. Balashova T.S. (2011) Konstitucionno-pravovie problemi formirovania migrasionnoi politiki. Moscow, «Yuridichceskii center», 240 p. [in Rus].
4. Delez J., Gvatary F. (1992) *Novii krug,* no. 2, 93 p. [in Rus].
5. Drobijeva L.I. (2004) Ob usloviyach formirovania tolerantnich ustanovok/ Mejkulturnii dialog: issledovania I praktika. Moscow, «Nauka», 509 p. [in Rus].
6. Okladnikova E.A.,Verminenko Yu.V. (2013) Ostrii sociologicheskie problemi v zercale obshectvennogo mnenia ziteley St.-Peterburga. St-Peterburg, «SPbGIEU», 340 p. [in Rus].
7. Pereselenchesk oe o bshestvo Asiatskoi Rossii: migrasii,prostranstva, soobshestva (2013). Irkutsk, «Ottisk», 624 p. [in Rus].
8. Strauss A., Korbin J. (2001) Osnovi kachestvennogo issledo vania: obosnovannaya teoria, proseduri I techniki. Moscwa: Editorial URSS. 256 p. [in Rus].
9. Tatarova G.G. (1 993) Tipologicheskii analis v sociologii. Mo scow, Nauka, 236p. [in Rus].
10. Chumakov A.N. (2005) Teoria socialnogo kapitala. Moscow, «Prospekt», 340 p. [in Rus].
11. Light I. (1984) *Ethnic and Racial Studies,* vol. 7, no. 2, April, 124 p. [in Eng].
12. Waldinger R. (1986) *Theory and Society*, no. 15, 146 p. [in Eng] .

UDC 316.45

FORMING ETHNO TOLERANT MENTALITY AS A SOCIOLOGICA L PROBLEM: REGIONAL ASPECT

Okladnikova E lena Alekseevna,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Professor of the Department Chair of Sociology and Religious Studies,
Doctor of History,
Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Annotation
The aim of the article is to analyze Saint-Petersburg residents' vision of cultural and communicative barriers arising in the ir process of their communication with communities o f labor migrant s and preventing them from forming ethno tolerant mentality.
The article presents the analysis of the results of the pilot sociological research of Saint-Petersburg residents' opinion (2010–2015) the subject o f which was the process of ethnization of urban area as a result of increasing pressure from labor migration. The author justifies the facts that globalization and connected with it technical progress, intensification of population mobility become forces stimulating atmosphere of inter-ethnical conflicts o f different levels.
The main conflict area where we can find differences in languages, habitus, gender visions, etc. is a place where residents and communities of labor migrant meet, i.e. social sphere of urban environment. In respondents' minds there was understanding of the phen omenon o f labor migration as an ambivalent social problem, which is on the one hand dangerous due to the possibility of bitter social conflicts, on the other hand – restrained by the processes of forming ethno-tolerant mentality.

Key concepts:
labor migration,
narrative interview,
inter-ethnic conflict,
globalization.